

ЛИАНН ЧЖАН

ДЖУЛИ ЧАН

МЕРТВА

Твое алиби (АСТ)

Лианн Чжан

Джули Чан мертва

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чжан Л.

Джули Чан мертва / Л. Чжан — «Издательство АСТ»,
2025 — (Твое алиби (АСТ))

ISBN 978-5-17-184130-0

Джули Чан не убивала свою сестру-близнеца Хлою. Она просто нашла ее мертвой в нью-йоркской квартире. Вместо того чтобы вызвать полицию, Джули делает отчаянный шаг — занимает место покойной. В одно мгновение она примеряет чужую идеальную жизнь с дизайнерской одеждой, миллионами подписчиков и всеобщим обожанием. Экранный образ срабатывает безупречно, и фанаты даже не замечают подмены. Однако за безупречным фасадом блога скрывались паранойя, манипуляции и мрачные секреты. Хлоя была частью элитного и закрытого круга Беллы Мари — королевы интернета. Оказавшись на частном острове вместе с лицемерными «подругами» сестры, Джули вынуждена играть чужую роль до конца. Но чем глубже она погружается в этот глянцевый кошмар, тем отчетливее видит: у смерти Хлои были глаза и руки. И теперь, когда Джули носит ее лицо и имя, эти глаза смотрят уже на нее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-184130-0

© Чжан Л., 2025

© Издательство АСТ, 2025

Содержание

1	6
2	11
3	13
4	15
5	17
6	20
7	22
8	24
9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лианн Чжан Джули Чан мертва

Liann Zhang
JULIE CHAN IS DEAD

Copyright © 2025 by Liann Zhang Books Inc.

© В. Гордиенко, перевод, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

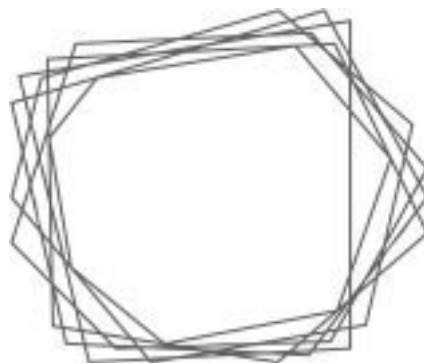
*Посвящается интернет-блогерам начала 2010-х, которые меня
воспитали.*

Но в первую очередь – моей маме, которая меня вырастила.

Давайте сразу кое-что проясним: я не убивала свою сестру-близнеца.

1

Февраль

– Ты видео снимаешь?

– Что? – Я поднимаю взгляд на светловолосую девчонку по ту сторону прилавка, пробивая на кассе коробку гигантских тампонов. За ее спиной стоят еще трое удивительно похожих друг на друга экземпляров, скользящих по мне пристальными взглядами, не лишенными любопытства.

– Видео, – уточняет она, ничего не объясняя. – Тут где-то скрытая камера?

Ее подружки, в восторге от этой идеи, принимаются осматривать пыльные балки под потолком, водят ухоженными руками по обложкам дешевых таблоидов, словно между хлипкими страницами со скандалами про знаменитостей спрятана зеркалка. Одна указывает на дверь.

– Вижу! Там! – улыбается она и машет.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Это камера наблюдения. И, пожалуйста, не трогайте журналы. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Хотя на самом деле понимаю.

Прекрасно понимаю, о ком речь.

– Ты же Хлоя Ван Хейзен, да?

Ну вот. Приехали.

Хлоя Ван Хейзен.

– Я твоя фанатка! Смотрю тебя с десяти лет.

Я натянуто улыбаюсь, стиснув зубы.

– Я не Хлоя. Пакет нужен? Десять центов.

– Не-а. – Она вставляет карту в терминал. Черная карта AmEx. Ну конечно.

Эта девчонка с золотистыми локонами, богатыми родителями и безлимитной картой – целевая аудитория Хлои.

– Но ты же снимаешь видео, да? Ну а зачем еще тебе тут быть? Сейчас угадаю! Это челлендж «Работаю кассиром двадцать четыре часа»?

– О! – подхватывает другая. – Или «Новая работа каждую неделю»?

– Нет! Прощу прощения! – Я отрываю чек, вылезший из принтера, и сую бумажку ей в руку. – Спасибо за покупку в «Суперфудс». Хорошего вам супердня. До свидания!

Девушка отступает, ошарашенная моим резким тоном, и торопливо уходит со своей стрекочущей свитой, приглушенно пищущей, как комары:

– Вот она стерва!

- Это не она. Хлоя о-очень милая.
- О господи...
- Что?
- А если это ее сестра? Из того видео?
- Вздых.
- О боже, точно!
- Как ее звали? Дженис?
- Джордан?
- Джейд?
- Джули! – кричу я.

Они вздрагивают и оборачиваются, широко распахнув глаза. Одна из них испуганно пищит. Первая девчонка роняет тампоны. Поднимает коробку и следом за подругами вылетает из магазина, будто спасаясь от бешеного животного.

– Кричать на покупателей запрещено, – напоминает Вера, кассирша на соседней линии. Ее золотой значок «Сотрудник месяца» бликует на свету. – Каждый должен уходить из «Суперфудс» с отличным настроением.

- Плевать.

У нее сам собой открывается рот, в глазах загорается искра желания прочесть мне лекцию о Десяти Заповедях Идеального Сотрудника «Суперфудс». К счастью, к ее кассе подходит покупатель, и она тут же разворачивается к нему.

- Добро пожаловать в «Суперфудс»! – щебечет она. – Надеюсь, у вас супердень!

Сдерживая зевок, я облокачиваюсь на прилавок и вижу, что через грязное квадратное окошко в двери кабинета на меня с прищуром смотрит менеджер. Под его настороженным взглядом я вытаскиваю коробку KitKat и перекладываю красные батончики, делая вид, что занята, пока мысленно возвращаюсь к этим девчонкам.

Может, я обошлась с ними слишком резко? Любая девушка и так живет все равно что в седьмом круге ада. А у одной из них еще и месячные. В таком состоянии не обрадуешься, если на тебя наорет двойник твоего интернет-кумира.

А вот я совершенно не в восторге от любого упоминания о моей сестре.

Стоит лишь прошептать ее имя, и меня словно переклинивает, я становлюсь немного... раздражительной. Совсем чуть-чуть. Капельку.

Хотя, если бы вы знали мою близняшку так, как знаю ее я, вы бы поразились моей сдержанности.

Открою вам неприятную правду, которую фанаты Хлои Ван Хейзен не хотят знать: она далеко не тот милый ангелочек, каким притворяется.

Мне хватило одного дня рядом с ней, чтобы это понять.

Мы встретились, когда нам было уже по двадцать одному году. Случилось короткое распиаренное воссоединение спустя целых семнадцать лет после того, как пьяный водитель раздавил наших родителей пикапом. Государство разлучило нас еще до того, как мы научились скорбеть: пара, которая ускоренно оформила удочерение Хлои, хотела только одного ребенка. Меня отправили к тете – скупой китайке, вечно сыпавшей ругательствами на кантонском, которая хранила налоговые декларации в старых пакетах из-под чипсов, – а мою сестру удочерила обеспеченная белая семья в Нью-Йорке, дав ей фамилию Ван Хейзен. Наверняка она жила в таунхаусе с крыльцом, как в «Сексе в большом городе», разгуливала по закрытым частным школам в кашемировых клетчатых юбках и писала ручками с розовыми пушистыми помпонами, пока я делила двухъярусную кровать с двоюродным братом, который ради развлечения цеплял меня за бретельки лифчика.

Я знала о роскошной жизни Хлои, потому что на меня часто смотрели прищурившись, с проблеском узнавания в глазах.

– Слушай, ты похожа на Хлою Ван Хейзен, – говорили мне.

Влоги о ее роскошной жизни привлекли более миллиона подписчиков в «Инстаграме»¹ и шестьсот тысяч – на «Ютуб». Пока она отдыхала за счет спонсоров на островах – на Багамах и Бора-Бора – в одежде от The Row и Loewe, я пробивала купоны за кассой. *Чем занимаюсь до сих пор.* По ночам я часами рассматривала ее страницы, впитывая через экран совершенно другую жизнь. Мой палец иногда зависал над кнопкой «Отправить сообщение», и все же я листала дальше.

Потому что, отправив письмо, я рисковала создать между нами настоящую связь. А создать связь означало бы признать наши различия, закрепить тот факт, что я – человек, родившийся из той же утробы, из той же клетки, – потерпела поражение там, где она преуспела.

А потом, ни с того ни с сего, она снова появилась в моей жизни.

Я отработывала свою обычную утреннюю смену, пробивая бананы (код 4011) и пакет семян чиа для платиновой блондинки с орущим младенцем, вцепившимся ей в грудь, как вдруг к моей кассе подбежала съемочная группа. Одна камера была направлена на меня, другая – на вход.

Хлоя впорхнула через стеклянные раздвижные двери, как главная героиня фильма нулевых: ее невысокие каблочки отбивали ритм по винилу – «цок, цок, цок», на голове сидел нелепый розовый берет, а солнечные лучи создавали вокруг нее ангельский ореол.

– Джули? – она ахнула, словно не знала, что найдет меня здесь.

Увидеть Хлою вживую было все равно что смотреть в кривое зеркало через бьюти-фильтр. Ее шелковые волосы спадали на плечи мягкими волнами, а мои напоминали засохшее сено с секущимися концами. Ее кожа сияла после бесчисленных бесплатных косметических процедур, а я выглядела так, будто не спала три дня. И ее руки – мягкие, гибкие, без следа малейшей физической работы на заостренных, покрытых лаком ногтях. Тогда как я сгрызла свои ногти до мяса, но так и не избавилась от мучительных заусенцев.

– Сколько же мы не виделись! – Ее глаза наполнились слезами в тот самый момент, когда она обняла меня в меру накачанными руками, а камеры зависли рядом. – Я так скучала по тебе, Джули.

Я застыла в ее объятиях – было ощущение, что я попала в один из отделов парфюмерии, – не в силах пошевелиться от шока. В голове роились миллионы вопросов – как она меня нашла, зачем пришла, – но ни один не сорвался с приоткрытых губ: меня слишком оглушила толпа, собравшаяся поглазеть на воссоединение сестер.

Ответы я получила, когда посмотрела ее видео. Оказалось, Хлоя наняла частного детектива, чтобы найти меня, еще за несколько месяцев до этого дня. Он следил за мной из темного внедорожника, снимая, как я, ничего не подозревая, пялюсь в телефон по дороге на работу и обратно. Потом к этим кадрам добавили печальную бесплатную музыку, словно я какой-то вымирающий сумчатый зверек из документального фильма. За неделю до своего появления Хлоя связалась с моим менеджером и получила разрешение на съемку. Все сотрудники, работавшие в тот день, знали, что она придет, и с радостью подыгрывали.

После нашей драматической встречи менеджер отпустил меня раньше (не оплатив полный день!), чтобы я продолжила сниматься в видео сестры. На парковке Хлоя туго завязала мне глаза и усадила на пассажирское сиденье машины, напичканной камерами, чтобы сделать «сюрприз». Пока мы ехали, она рассказывала невидимой аудитории историю нашего детства: говорила о смерти родителей и нашей разлуке, вплетая в рассказ трогательные детали, которых я не помнила, но которые могли быть правдой. Время от времени она спрашивала тоненьким голоском: «Правда?», оставляя паузу ровно настолько длинную, чтобы я успела кивнуть, прежде чем продолжить свою бодрую прогулку в темпе вальса по дорожке воспомина-

¹ Сеть «Инстаграм» принадлежит компании МЕТА, деятельность которой запрещена на территории РФ.

ний. Через пятнадцать минут она высадила меня, вложила мне в ладонь ключ и сняла повязку. Прежде чем я успела осознать, что мы находимся на другом конце города, Хлоя указала на дом поодаль и завизжала:

– Это теперь твой дом!

– Ч-что? – Когда я пересматриваю это видео, мне всегда неловко от моего выражения лица. Такая уж получилась уродливая гримаса, особенно по сравнению с моей сияющей счастливой сестрой! Видок у меня был такой, словно у обкурившейся главной героини рекламного ролика «Против наркотиков».

– Учитывая нынешние расценки, я подумала, что, работая в продуктовом магазине, ты, наверное, живешь от зарплаты до зарплаты. Вот и решила купить тебе дом! – хихикнула она, взяв меня за влажную ладонь и увлекая за собой в сторону свежего, явно совсем недавно отремонтированного дома.

Я не могла в это поверить. Ни в то, что после стольких лет пальцы Хлои переплелись с моими, ни в то, что она купила мне дом.

Целый, черт возьми, дом.

На слабо освещенном крыльце, пропахшем свежей краской, мы снимали эпизод, в котором она говорила, как сильно по мне скучала. Речь у нее была сбивчивая, слова – приторные, слишком уж гладкие. Наверняка подготовилась заранее. И все же в тот миг, когда она прошептала: «Я так по тебе скучала, Джу-Джу», – я рассыпалась окончательно.

«Джу-Джу» по звучанию похоже на кантонское «поросеночек»: ##. Да, знаю, знаю, звучит не очень, будто смеются над толстушкой. Но это было сказано ласково, клянусь. Это значило, что я маленькая, милая, что меня нужно баловать и обожать, как Макдалла – наивного розового поросеночка из гонконгских мультиков. Услышав это детское прозвище, сорвавшееся с глянцевого губ Хлои, я больше не могла сдерживать переполнявшие меня чувства, на волю вырвался поток горячих слез. Я с безграничной надеждой поверила в ее ложь: она скучала по мне, думала обо мне, любила меня, снова хотела стать моей сестрой. Я и не понимала, до какой степени одинока, как отчаянно тоскую по семье, пока не появилась Хлоя. Пока меня снова не назвали «поросеночком».

Она была мессией. Прекрасным ангелом, вытащившим меня из бездны.

Прямо-таки «Сотворение Адама», черт подери.

А потом кто-то из съемочной группы сказал:

– Снято.

Камеры выключили.

Хлоя отступила от меня.

Что-то мелькнуло в ее глазах: сияние исчезло, уступив место жуткой отстраненности.

– Пока, Джули.

И она ушла.

Сестра оставила мне обновленный дом – с ремонтом в духе «и так сойдет»: осыпающийся фундамент, кухонная техника закрашена, плесень, лезущая из сырых углов, – и видео на «Ютуб», вышедшее на следующей неделе: «Нашла давно потерянную сестру-близнеца и купила ей дом #ЭМОЦИОНАЛЬНО». За два дня ролик набрал десять миллионов просмотров. Люди восторгались щедростью Хлои: писали, что плакали, глядя на наше воссоединение, что мне невероятно повезло.

Но после выхода видео она ни разу мне не позвонила. Даже номер свой не дала.

Даже в «Инстаграме» на меня не подписалась.

Меня снова низвели до роли молчаливого наблюдателя, жалкой единицы в растущем числе ее подписчиков. Затерявшись в толпе ее фанатов, я смотрела, как она набирает первый миллион, потом второй, третий, а затем каким-то чудом взлетает до шести миллионов. Как заводит «ТикТок». Как общается со знаменитостями на #NYFW. Как официально представ-

ляет публике бойфренда – какого-то неопрятного белого парня в татуировках, готового чуть ли не запустить подкаст о правах мужчин. А вскоре – как выкладывает пост о расставании.

Когда кто-нибудь изредка спрашивал в комментариях: «А что случилось с твоей сестрой?», она отвечала: «Джули не хочет публичности. Мы должны уважать ее частную жизнь». И ей верили, потому что обожаемая Хлоя Ван Хейзен не может поступать плохо. Иногда мне страшно хотелось написать: «Эй! Послушайте! Она просто использовала меня для своего видео! И вообще-то она конченная чертова стерва!!!!» Но я уже видела, как после этого ее бешеные фанаты заваливают меня сообщениями, сочащимися ненавистью, с пеной у рта бросаясь защищать свою любимицу: «Она купила тебе дом, чего тебе еще надо? Ты просто дешевая, страшенькая копия. Всем на тебя плевать! Что, совсем отчаялась?»

Несмотря на взрывные просмотры – двадцать миллионов, как-никак, – обо мне быстро забыли. У меня было десять секунд славы, а потом всем стало плевать. Я – лишь копия, меркнущая на фоне своей сестры, сноска в истории ее великой жизни, забавный факт на фанатской вики-странице: а вы знали, что у Хлои есть сестра-близнец?

Через год молчания я смирилась, что она больше никогда мне не напишет, и заблокировала ее соцсети – жалкая попытка сохранить остатки рассудка. Но на реальность интернет-баррикаду не поставишь.

Чем выше взлетала моя сестра, тем чаще люди принимали меня за нее. Теперь и двух недель не проходит без мучительного напоминания о ее предательстве. Каждый раз, когда кто-то упоминает ее, меня затягивает в воронку раздражения, а по ночам, когда содрогается от порывов ветра мое подобие дома, мне порой слышится ее голос. «Джу-Джу», – стонут комнаты. Будто ее голос застрял эхом между стенами, скребется о дюжину слоев белой краски, отчаянно пытаюсь выбраться наружу.

* * *

– Кричать на покупателей недопустимо, – говорит мне менеджер.

Похоже, Вера настучала. За его спиной висит ее фотография: улыбается со своим дурацким сертификатом «Сотрудник месяца» и купоном «Суперфудс» на пятьдесят долларов. Она купила сорок пять банок грибного супа для местной благотворительной акции. Ненавижу ее.

– Простите.

– И еще я вычту из твоей зарплаты жвачку, которую ты украла на этой неделе.

А я-то была уверена, что стойка стоит в слепой зоне. Вера и про это донесла?

Он подается вперед. Голос у него строгий и низкий, изо рта тянет салями из бутерброда, который он ел на обед.

– Ты уже десять лет являешься нашим работником, и именно поэтому я проявляю к тебе снисходительность. Но это не первое и не второе нарушение. Больше такого не допускай. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я киваю, глядя на свои сухие кутикулы.

Он меня отпускает.

Домой идти не хочется, потому что я знаю: сегодня ночью голос Хлои снова просочится сквозь стены. Пакетик мармеладных мишек волшебным образом оказывается у меня в сумке. Мне же нужно утешение после такой взбучки.

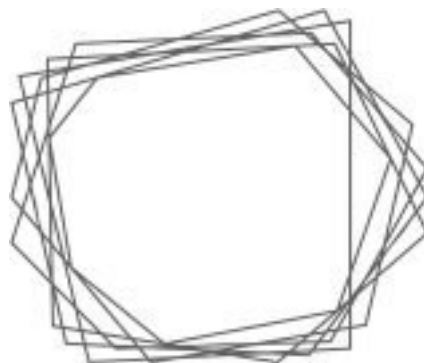
Я как раз откусываю голову белому мишке со вкусом ананаса, когда мне звонят. Бросив взгляд на экран, я едва не давлюсь конфетой.

Под номером высвечивается: «Нью-Йорк».

Я знаю только одного человека оттуда.

Хлою.

2

– Алло?

Тяжелое, сбивчивое дыхание. Шорохи.

– Алло? – повторяю я. – Кто это?

Я не могу разобрать слов. Будто тот, кто звонит, прикрывает динамик влажным пальцем, а во рту у него пенится слюна. Я сильнее прижимаю телефон к уху и шурюсь, словно так лучше расслышу.

– Алло?

И тут я слышу ее. Мою сестру. Во всяком случае, мне так кажется. Разобрать трудно.

Кажется, она повторяет одно и то же слово: «Ошибка, ошибка, ошибка».

– Хлоя? Это ты? Какая ошибка?

Снова кашель и стоны.

Я выкручиваю громкость на максимум, включаю громкую связь.

– Ты меня слышишь? Что случилось?

– Джу-Джу... прости.

– Что? За что прости? Хлоя? Алло?

Связь обрывается.

Я сижу не дыша. Язык у меня сухой, тяжелый. Горло затянуло липкой пленкой мармелада.

Я перезваниваю ей. Длинные гудки. «Здравствуйте, вы позвонили Хлое! Оставьте голосовое сообщение или отправьте мне эсмэску. Люблю вас!» Я машинально сбрасываю, не дожидаясь сигнала, сердце колотится. Не знаю, что сказать. Мысли путаются.

С тех пор как мы разговаривали, прошло три года, и теперь она вдруг звонит?

Зачем? Я даже не знала, что у нее есть мой номер. Я звоню снова. «Здравствуйте, вы позвонили Хлое! Оставь...» Я сбрасываю.

Оставить голосовое сообщение – значит признать, что она по-прежнему имеет надо мной власть, что мне безразлична ее жизнь, когда должно быть все равно. Хлоя безжалостно бросила меня во второй раз, пообещав восстановить связь, а я, наивная, ей поверила. Я не могу позволить унижить себя дважды.

А что, если, не дай бог, это розыгрыш? «Притворяюсь умирающей в разговоре с давно потерянной близняшкой! #Смешно». Вроде бы пранки не ее стиль. Но она уже меняла направление контента: взять хотя бы тот дом. Может, теперь решила попробовать что-то новое? Неужели розыгрыши снова в моде?

Я засовываю телефон в карман и иду домой, запихивая в рот горсти мармеладных мишек, чтобы заглушить назойливые мысли.

* * *

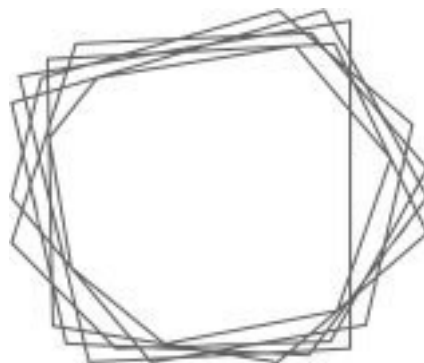
Шепот Хлои преследует меня повсюду. «Джу-Джу», – говорит она, пока я соскребаю засохший соус от лазаньи с облезлого кухонного стола. «Ошибка», – слышу, когда лежу на полу в гостиной и смотрю на пыльные плитусы, которые так никогда и не вымою. «Прости», – шепчет она в ванной, пока я мучаюсь от боли в животе: опять переела сладкого.

Она со мной, пока я принимаю душ, пока чищу зубы, пока сушу волосы феном.

Где бы я ни была, что бы ни делала, она не оставляет меня в покое.

В ту ночь я так и не заснула.

3

Меня до предела выматывает этот проклятый шепот, но на следующий день я все равно плетусь на смену в «Суперфудс» и стараюсь делать вид, что день идет как обычно.

– Пакет нужен?

– Как будете платить?

– Какой милый ребенок! – Уродливее детей в жизни не видела!

Мне паршиво, но тупая механическая работа хоть как-то занимает голову.

Днем наступает затишье. Где-то под потолком гудит Майкл Бубле с песенкой «Санта-Клаус уже в пути». Менеджер так и не сменил диск с декабря. Вера расписывает мне, как вчера глистогонила свою кошку.

В деталях. Мучительно подробно. Кажется, это ее фетиш.

Я облакачиваюсь на кассу и киваю в такт рассказу, будто мне жутко интересно.

Да, Вера, пожалуйста! Расскажи мне о кишечных паразитах своего питомца! Как познавательно!

И вот тогда, без всякого предупреждения, Хлоя возвращается – вторгается в мои мысли, цепляется за мои плечи и начинает шептать мне в уши хрипло, с клототанием.

«Джу-Джу».

Чем старательнее я пытаюсь не обращать внимания, тем громче становится шепот.

«Ошибка. Ошибка. Ошибка».

А вдруг – пусть шанс и ничтожный – произошло что-то ужасное, и позвонила она только мне?

– Джули?

Я вздрагиваю.

– Ты какая-то совсем кислая сегодня, милая, – говорит Вера. – Похоже, заболеваешь.

Я провожу ладонью по лбу.

– Может, простуда. Я плохо спала.

– Вот-вот, у Пучи-Пу Старшего пару месяцев назад тоже была простуда. Хотя в это трудно поверить, ведь мало кто задумывается, что животные простужаются, совсем как люди...

Вера продолжает бубнить. Я не могу сосредоточиться на ее голосе – все внимание притягивает мое отражение в ее съехавших на нос очках. Жирные отпечатки на стеклах искажают мои черты, лицо расплывается, и в конце концов я вижу уже не себя, а сестру. Ее резкий голос снова хлещет меня, как плеть, словно жук вгрызается мне в барабанную перепонку. *«Джу-Джу».* Она ко мне прицепилась. Не избавиться.

Смена тянется мучительно долго, а Хлоя не выходит у меня из головы.

В обед я снова ей звоню.

Она не отвечает.

Я не могу сосредоточиться. Даже забываю код для бананов.

Дома я звоню ей еще пять раз.

На шестой попытке наконец проглатываю гордость и оставляю голосовое сообщение.

– П-привет. Это Джули. Твоя сестра-близнец – ну, ты, наверное, и так знаешь. Эм... Я немного за тебя волнуюсь. Можешь мне перезвонить? Я тебе еще напишу.

Когда я отключаюсь, меня передергивает, и мой голос еще долго звучит у меня в голове.

Я пишу ей: «Привет, просто хочу проверить, все ли у тебя в порядке?» Жду, когда статус «доставлено» сменится на «прочитано». Но этого не происходит.

Я брожу по кухне, а тревога съедает меня изнутри.

В отчаянной попытке хоть как-то отвлечься я листаю «Инстаграм» и читаю злые комментарии под короткими видео. В ленте всплывает реклама платья. Именно такого, какое мне нравится: девчачьего, с бантиками и рюшами, но на мне оно наверняка выглядело бы уныло и нелепо. И все же я зачем-то перехожу на этот сомнительный сайт. Платье стоит пятьдесят пять долларов. По нему сразу видно, что заказ придет напрямую от поставщика, через три месяца мне на порог упадет нечто, ничуть не похожее на фото, – если вообще упадет, – но я все равно нажимаю «Купить в 4 платежа», жадно тянусь к этой мимолетной эйфории после импульсивной покупки. Подтверждение мигает во вкладке почты в тот самый момент, когда из банка приходит уведомление о погранично низкой сумме на счету. Меня мгновенно охватывает сожаление. Я открываю письмо в надежде отменить заказ. Ссылка на службу поддержки перекидывает меня на пустую веб-страницу.

Разозлившись, я снова проверяю свое сообщение Хлое. Оно так и не прочитано.

И тут меня внезапно накрывает волной жгучей злости. Как отвратительно, что я потратила деньги на платье, которое мне на самом деле не нужно. Отвратительно, что Хлоя перевернула мою жизнь одним-единственным звонком, парой невнятных слов. Отвратительно, что не могу перестать о ней думать, что у моей сестры такая власть надо мной. Но больше всего я ненавижу себя за то, что знаю: дай она мне хоть крошечный повод, раскрой объятия, и я приползла бы к ней на коленях и ела бы из ее рук.

Я вбиваю ее ник в «Инстаграме», открываю страницу и задерживаю палец над кнопкой «Разблокировать».

После нашего воссоединения я изо всех сил старалась держаться подальше от соцсетей Хлои. Ее фотографии и видео – наркотический портал в невероятную параллельную реальность. Когда я смотрю ее влоги и листаю ленту, наши жизни у меня в голове начинают смешиваться, и в какой-то момент зыбкая граница между нами стирается вовсе. Начинаю верить, что это я просыпаюсь на ее огромной королевской кровати, чищу зубы у ее раковины из итальянского мрамора, делаю десятишаговый косметический уход перед туалетным столиком с подсветкой, жарю на ее кухне шипящие яйца на фоне турецкой плитки. Когда вы выглядите одинаково, очень легко поддаться этим бредовым фантазиям. Иногда перед сном я позволяю им укорениться в сознании, настояться, чтобы ночью, во сне, они продолжались – ясные, живые, почти настоящие. Но, как и все хорошее, это длится недолго. Звон будильника неизбежно вырывает меня из блаженства, и, когда я открываю глаза и вижу потрескавшийся потолок и покрашенные светильники, реальность обрушивается на меня самым жестоким образом. Вот так простая разблокировка аккаунта снова становится напоминанием обо всем, чего у меня нет, и обо всем, в чем я потерпела неудачу.

Это замкнутый круг. Разрушительный и унылый, и все же я не могу себя остановить. Хлоя – мое мучение. Я ничего не могу поделать с тем, как во мне разрастается что-то темное. Я чувствую, как меня переполняет желчь. Лучше злиться и завидовать, чем жить пустой жизнью.

А на этот раз мне нужны ответы, чтобы утолить свое любопытство. У того, что произойдет дальше, есть оправдание.

Я нажимаю «Разблокировать» и обновляю ее страницу.

4

Последний пост Хлои – рекламное селфи. Она сидит на белом диване в халате и косметической маске, на глянцевых губах сияет улыбка. В руке бокал вина.

«Это вам знак поставить жизнь на паузу. Налейте бокал вина, возьмите хорошую маску для лица (мой выбор – освежающая огуречная маска-ампула для кожи @ KareKosmetics 24х, увлажняющая, с гиалуроновой кислотой) и включите свой новый любимый сериал. Мы все заслуживаем передышки. #заботаосебе #реклама #KarePartner».

Я закатываю глаза и прокручиваю вниз, к дате публикации.

Две недели назад.

Хм. Обычно Хлоя выкладывает посты три раза в неделю. Как минимум.

Я просматриваю и другие ее соцсети. За последние две недели ни одной публикации. И никакого объявления о перерыве тоже.

Судя по сотням комментариев, ее фанаты встревожены не меньше моего.

«Ты в порядке?»

«Куда ты пропала?»

«Ты умерла?»

Вчера у нее еще хватало сил позвонить мне.

Листать комментарии – все равно что спускаться по лестнице: каждая полная тревоги фраза – новая ступенька вниз, пока я не оказываюсь по шее в бассейне из беспокойства ее подписчиков. Не выдержав, я швыряю телефон на тумбочку, иду в душ и пытаюсь лечь пораньше.

Но уснуть не могу.

Меня тянет к Хлое, и тревога не отпускает. Что-то не так.

Я звоню ей еще пять раз.

Голосовая почта.

Может, попросить кого-то узнать, как она там? Кого? Ее друзей? Я никого из них лично не знаю. Можно позвонить в полицию и попросить проверить, все ли с ней в порядке. Но я понятия не имею, где она живет. Раньше, если мне нужно было с ней связаться, общение шло через риелтора.

И тут я вспоминаю о документах на дом. В тех бумагах ведь должен быть адрес Хлои: юридически дом мой ей и принадлежит. Судя по фону в ее видео, за последние пять лет она не переезжала.

Куда я засунула тот договор? Последний раз я его видела после того, как моя тетя попыталась подделать бумаги, переоформить дом на себя, чтобы незаконно сдавать его через Airbnb. Отступилась она только после того, как я соврала, что у Хлои есть юристы, которые оставят ее ни с чем.

После долгих поисков я в конце концов нахожу бумаги в ящике под духовкой, смятые между противнями и инструкциями к технике. Смахиваю с них пыль и крошки.

Вот он, на первой странице, напечатанный яркими черными буквами:

«Нью-Йорк».

Ее адрес передо мной, но я не могу заставить себя набрать «911». Пальцы парализует от ужаса.

Я вспоминаю, как однажды полицию вызвали ко мне.

Тот опыт я не хочу переживать снова. Никогда.

Когда мне было двенадцать, тетя открыла на мое имя банковский счет и велела копить, если я хочу обеспечить себе будущее. Тогда мне показалось, что она обо мне так заботится. Все школьные годы я откладывала почти каждый цент, заработанный в «Суперфудс». К одиннадцатому классу у меня накопилось больше пяти тысяч долларов. Не так уж много, но достаточно, чтобы съехать и начать строить свою жизнь.

Однако за неделю до моего семнадцатилетия от этих сбережений осталось пятьсот долларов. В банке мне объяснили, что, раз счет был открыт, когда я была несовершеннолетней, мой законный опекун имеет полный доступ к деньгам. Когда я потребовала объяснений у тети, она сказала: «Ты хоть знаешь, сколько стоит тебя растить? Кормить лишний рот?»

От ее слов в груди у меня словно образовалась черная дыра, поглотившая все остатки желания жить. Меня будто выпили досуха. Несколько дней после этого я пыталась понять, что со мной не так, старалась как-то объяснить свои неудачи: родители умерли, семьи нет, сестра далеко, отвратительная тетка, одиночество. Это было какое-то мысленное самобичевание. Признать существование проблемы бессмысленно, когда у тебя нет сил ее решить. А найти силы невозможно, когда даже мысль о собственном существовании ощущается как наказание.

А потом однажды вечером одноклассница написала мне, упрасывая закончить поскорее мою часть общего проекта. До сих пор не знаю, что на меня тогда нашло. Почему я ответила с такой беспощадной честностью. Может, пыталась оправдать свои прогулы или просто хотела внимания? Но то сообщение стало последней каплей. Она вызвала полицию, чтобы меня «проверили».

Ну, они и «проверили». К дому моей тети подъехала полицейская машина с включенной сиреной, сине-красные огни разорвали темноту ночи, а патрульные забарабанили в дверь так, будто я собиралась кого-то убить. Оба полицейских – мужчины – были экипированы словно на перестрелку: бронежилеты, дубинки, пистолеты в кобурах. У одного на подбородке размазался кроваво-красный кетчуп. Запах жирного фастфуда тяжелым комом оседал у меня в животе, пока я, ссутулившись, сидела на диване в гостиной и терпела шквал вопросов о моей безопасности и психическом состоянии. Под их взглядами я чувствовала себя ничтожеством, на которое жаль тратить воздух. А тетя улыбалась полицейским и предлагала им чай с выпечкой. Обманувшись ее улыбкой, я даже подумала, что она наконец-то мне сочувствует. Но стоило полиции уйти, как она подскочила ко мне и влепила пощечину.

«Как ты посмела поднять такую шумиху из *ничего*!»

После этого во мне остались лишь жгучий стыд и унижение, я чувствовала себя еще беспомощнее, чем прежде. Одна мысль о разговоре с полицией приводила меня в ужас. И спустя столько лет я все еще не могу заставить себя набрать «911».

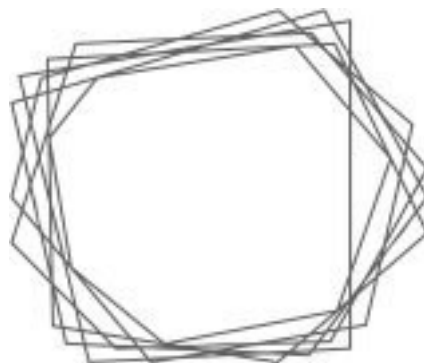
Может, я просто ищу себе оправдания, но звонить в полицию все равно преждевременно. Нет смысла поднимать шум, если я до сих пор не знаю, что именно случилось с Хлоей. И вообще, правильно ли вмешиваться вот так. Давайте честно: а нормально ли влезать так в чужую жизнь?

Я сижу на грязном кухонном полу, грызу ногти и смотрю на ее нью-йоркский адрес. Я знаю: если буду и дальше игнорировать Хлою, ее голос никогда меня не оставит.

И, если уж быть честной до конца, я не могу отделаться от одной простой истины: я хочу ее увидеть – хотела еще до всего этого. Одного лишь ее образа на экране смартфона мне никогда не хватало.

Я покупаю билет на автобус до Нью-Йорка на следующий вечер.

5

На следующий день я всю смену изображаю приступы кашля. Менеджер велит мне завтра не выходить и отлежаться. По дороге я прихватываю из гастрономического отдела сэндвич – в счет потерянной зарплаты. Вернувшись домой, я бросаю в сумку все самое необходимое и отправляюсь на автовокзал.

Я захожу в салон последней, так что мне достается место у туалета.

Автобус трогается. От гула мотора дрожит все тело, от выхлопа закладывает нос, а в воздухе смешиваются запахи мочи и рвоты. Телефон пищит. Сообщения от менеджера:

«19:45: У нас на записи видно, как ты крадешь сэндвич».

«19:46: Я уже предупреждал тебя насчет такого поведения. Когда вернешься, нам нужно будет поговорить. Это неприемлемо».

Я перечитываю сообщения трижды, пытаюсь вызвать в себе хоть каплю вины. Автобус выкатывается со станции и тяжело тащится по шоссе. Удалив сообщения менеджера, я захожу на Reddit и начинаю бездумно скроллить ленту. Глаза вяло скользят по тексту на экране.

Но мысли у меня заняты Хлоей, и сознание захлестывает потоком детских воспоминаний.

Я как-то читала статью о том, что наш мозг не способен по-настоящему удерживать воспоминания раннего детства. Что большая часть самых первых воспоминаний – это вымысел, который мозг выдает за истину, собирая фрагменты случайных событий. Тут – свечка на дне рождения, там – клочок травы, тут – бабушкина история и характерные щелчки ее зубных протезов... и оп-ля! Состряпанная память, совсем как настоящая.

С точки зрения логики, все сходится. Все, что я помню, скорее всего, является подделкой.

Но в глубине души, проживая эти воспоминания, закрывая глаза и прокручивая их перед своим внутренним взором, как пленку, ощущая атмосферу знакомых комнат, вдыхая теплый солоноватый воздух, я осознаю, что они настоящие.

Воспоминания о маме и папе. О семье. О доме.

Мама всегда носила платья. Обтягивающие в груди, свободные ниже бедер. Подол ниспадал до самых щиколоток, и я тянулась за мягкой тканью, чтобы привлечь ее внимание, водила пальцами по жесткой вышивке у подола. Там всегда была какая-нибудь птица – черношапочная гаичка, пурпурная ласточка, колибри, – вышитая вручную мерцающими нитями. Она всегда красила губы красной помадой, а в волосах у нее торчали розовые бигуди. Зубы у нее были неровные, пожелтевшие от чая. От папы пахло сигаретами, и он неизменно носил поло – либо белые, либо небесно-голубые, с безупречно выглаженным воротником. С ними – коричневые хаки и кожаный ремень. По дому он никогда не ходил в тапках, собирая пыль и волосы на свои вонючие белые носки, за что мама постоянно на него кричала. В доме пахло пропаренным рисом и костным бульоном. На плите всегда что-то кипело, на липких столешницах – марино-

валось. И еще была Хлоя, моя близняшка, моя старшая сестра. Та, что на целых семь минут раньше появилась на свет, проложив мне дорогу, чтобы я могла родиться вслед за ней, жить в ее тени. С очаровательной улыбкой наготове она брала меня за влажную ладошку и вела туда, куда одна я бы ни за что не пошла.

Одно воспоминание горит особенно ярко.

Нам было три года, и мы остались дома одни, что, возможно, незаконно. Папа был на работе. Мама выбежала в магазин за маслом и соевым соусом. Обычно это занимало не больше десяти минут, а мы, хоть и были малышками, в свои три года уже могли о себе позаботиться. Наверное, потому что защищали друг друга.

Мы оказались в кладовке, загребая пухлыми ладошками рис. Меня завораживало происходящее, настоящее волшебство: твердые белые зернышки скользят между маленькими пальцами. Хруст, хруст, хруст. Вновь сжимаю кулак. Шероховатая пыль, остающаяся на моих крошечных овальных ногтях. В какой-то момент Хлоя вышла из комнаты, а я даже этого не заметила. Она просто исчезла.

К тому времени, как в замке щелкнул ключ, Хлои не было уже бог знает сколько. Я помню, как мама запаниковала, как стучали пластмассовые бигуди в ее волосах, пока она искала Хлою, как продукты рассыпались по полу. Я бегала за ней, искала, искала, искала, мои толстенькие влажные пальцы ног шлепали по гладкой кухонной плитке, по пыльным углам, по заляпанным коврам, а глаза все искали маленького человечка, похожего на меня как две капли воды. Мы заглянули в стиральную машину, в спальню, под столы, в шкаф, между диванных подушек. Хлои нигде не было.

Мама рыдала, крича на меня:

– Куда делась твоя сестра? Ты должна знать! Скажи сейчас же!

Говорят, у близнецов есть особая связь. Нечто вроде телепатии.

У нас с Хлоей ее не было. Мы выглядели одинаково, но всегда были разными. Хлоя ходила с улыбкой во весь рот, в волосах у нее вечно торчали сухие листья, потому что она любопытна от природы. А ее мысли и сердце оставались для меня полной загадкой. Я не знала, где Хлоя, куда она ушла. Мама этого не понимала – или не хотела понимать, – даже когда я мотала головой и плакала от бессилия.

В конце концов мы нашли ее. Она вылезла через окно и, почти голая, в одних трусиках, стояла по колено в грядке и выдергивала кусты томатов. Мама кинулась в сад, раскинув руки.

– Моя девочка, моя девочка, – плакала она.

Я стояла в дверях и смотрела на них. Помню, как мне было обидно. Плакала ведь я, а не Хлоя. Хлоя была счастлива, улыбалась своей широкой Хлоиной улыбкой, и смех перекатывался у нее в горле.

«Моя девочка, моя девочка».

Иногда мне казалось, что у мамы всегда был только один ребенок.

Потом я забралась в ванную и спряталась. Там меня приятно обволакивал теплый влажный воздух, не было окон. А значит, я была изолирована от внешнего мира. Ровный гул вентилятора, запахи хлорки и плесени – все это меня успокаивало. Я любила прятаться в шкафчике под раковиной, влезала между бутылками с чистящими средствами и рулонами туалетной бумаги, к влажной коже прилипал целлофан. Я сидела там, подтянув к груди острые коленки, и думала: «Интересно, мама испугается, когда заметит, что меня нет?»

Не испугалась.

Она даже не стала меня искать.

Нашла меня Хлоя. Она распахнула дверцы шкафчика, и внутрь пролился теплый свет из ванной. Когда она улыбнулась, мне показалось, что она меня видит – по-настоящему видит – и что хотя бы моя сестра – единственная на свете – обо мне заботится. Она сунула мне под нос тарелку со спелыми дольками манго. Под ногтями у нее еще темнела засохшая земля.

«Мама мне дала. Будешь со мной, Джусу-Джусу?»

Не дожидаясь ответа, она вытащила из шкафчика рулоны туалетной бумаги. Когда места стало достаточно для двоих, она проскользнула внутрь и закрыла дверцы. Мы сидели вместе в темноте и ели манго. Ее пухлая ножка касалась моей. И было так спокойно...

Вот такую Хлою я хочу помнить.

Ту Хлою, которая, я надеюсь, все еще живет где-то за маской из соцсетей.

Ту Хлою, которой я так отчаянно хотела стать.

Над головой гудит объявление:

– До прибытия тридцать минут.

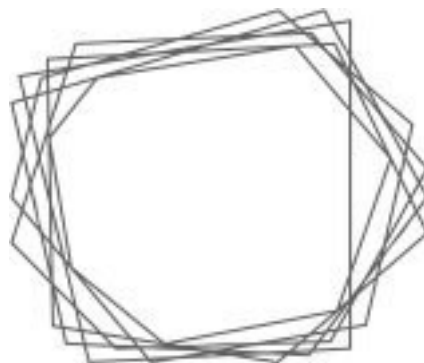
За окном пасмурно, уже одиннадцатый час. Я вытираю запотевшее стекло, счищаю иней и всматриваюсь в холодную ночь. Полоса ярких огней города мигает на фоне темного беззвездного неба.

Через полчаса я буду в Нью-Йорке.

Через час – у ее двери.

Может быть, добравшись, я увижу ее в саду – живую, невредимую. Она будет копаться в земле и беззаботно улыбаться.

6

Хлоя живет на Манхэттене, в квартире с видом на Гудзон. Сада у нее точно нет.

Ледяной ветер хлещет по лицу, пока я стою, задрав голову, и замороженно разглядываю высотку. Как кружится голова! Как моя сестра, с которой мы спали на одной кровати и вместе плескались в ванной, может жить настолько другой жизнью?

В ее дом можно попасть только по электронному ключу, которого у меня нет. Кода от домофона у меня тоже нет. Уже поздно, никто не входит и не выходит. Я неловко топчусь у двери в своей мешковатой толстовке и куртке, рюкзак оттягивает плечи. Каждый выдох превращается в белое облачко. Я шмыгаю носом.

Где-то вдалеке что-то шуршит, копается в черных мусорных мешках и сплюснутых картонных коробках у тротуара.

Показывается морда. Маленькие черные глазки. Крыса. Господи, какая же она огромная. Настоящий мутант размером с мою руку. Она смотрит на меня с почти человеческим безутешным выражением, а ее невозможно толстое брюхо трется о мостовую. Судя по размерам, эта тварь питается лучше меня, пожирая объедки, которые выбрасывают богатые нью-йоркцы, пока я перебиваюсь украденными в магазине сэндвичами. И, словно миру мало моих унижений, у меня урчит в животе, и крыса в испуге удирает.

Я тру лоб рукавом и устало вздыхаю. Что я вообще делаю? Невероятно. Я приехала в Нью-Йорк только затем, чтобы стоять у двери Хлои и завидовать крысе? С сестрой наверняка все в порядке. Может, просто случилась паническая атака, она машинально позвонила мне, а я напридумывала себе всякого. Если бы что-то действительно было не так, кто-нибудь из сотен друзей, раскиданных по сети, уже бы заметил это.

Да и приемные родители у нее заботливые, как в сказке: лето в Хэмптонсе, рождественские открытки, на которых они всей семьей фотографируются в одинаковых красных кашемировых кардиганах, телефонные звонки с обязательным «люблю тебя». Они бы удостоверились, что с Хлоей все в порядке.

Зачем я вообще приехала?

БАМ! БАМ! БАМ!

Я подпрыгиваю.

Резкий свет бьет в глаза. Сердце колотится, я вскидываю руки к лицу, заслоняясь от луча. Свет гаснет, и я осторожно смотрю в ту сторону сквозь пальцы.

Меня разглядывает мужчина. Он открывает дверь, внимательно разглядывает меня, в его глазах плещется подозрение. У него узкие усталые глаза. На нем безупречно белая рубашка и бордовый галстук. Над карманом поблескивает отполированный бронзовый бейдж: «Рамос. Охрана».

– Мисс Ван Хейзен, что вы тут мерзнете? Заходите.

Он принял меня за Хлою.

Не знаю, почему меня это удивляет. Мы близнецы, и нас постоянно путают.

– Спасибо. Я, э-э... забыла брелок.

Я натянуто смеюсь.

Он не улыбается в ответ – лишь уголок губ мягко опускается вниз, складываясь в сочувственную гримасу.

Я резко разворачиваюсь и направляюсь прямо к лифтам. Если он еще хоть секунду будет смотреть на меня этими обеспокоенными «папиными» глазами, точно поймет, что я не Хлоя.

Я уже собираюсь нажать кнопку, как он вдруг кричит:

– Подождите!

Я замираю на месте, сердце колотится о ребра.

– Вам пришли посылки. Распишетесь?

Я выдыхаю, стараясь успокоиться, и оборачиваюсь.

– Конечно.

Голос срывается, но охранник ничего не говорит. Я как можно непринужденнее подхожу к стойке.

Он протягивает мне две коробки.

– Опять подарки от брендов?

– Эм... возможно.

Я быстро расписываюсь какими-то каракулями, надеясь, что он не заметит.

– В последнее время моя дочка все спрашивает: «Папа, папа, когда Хлоя снова подарит мне что-нибудь?» Она вас любит больше, чем Санту! – Он от души смеется.

Хлоя отдает его дочери свои вещи? Вполне в ее духе. Она же «подарила» мне дом. Интересно, она и про это сняла видео? «Раздаю свои подарки от брендов детям, которым не так повезло в жизни #осознанность #благодарительность».

– Я вам скажу, как только появится что-то интересное.

Он прикладывает руку к груди.

– Вы ангел, мисс Ван Хейзен. Настоящий ангел. Надеюсь, сейчас вы почувствуете себя лучше.

Я натянуто улыбаюсь, беру посылки и спешу к лифтам, пока он не сказал еще чего-нибудь.

Он идет следом, почти рядом, тепло его тела чувствуется у меня за спиной. Почему он не оставит меня в покое? Он наклоняется и с улыбкой нажимает кнопку лифта.

Ох.

Я неловко посмеиваюсь, не привыкшая к такому вниманию. Надо ли дать ему чаевые?

Лифт звенит, и он придерживает для меня дверь.

– Спасибо, – бормочу я.

Он нажимает кнопку двадцать седьмого этажа и машет на прощанье.

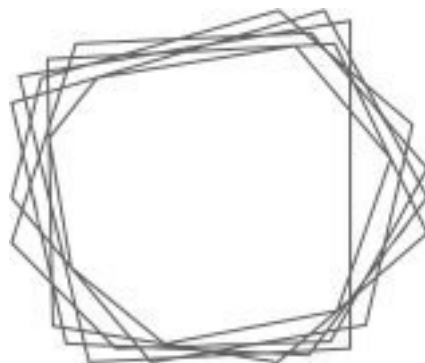
– Спокойной ночи, мисс Ван Хейзен.

– И вам.

Двери закрываются, и он исчезает.

Лифт весь в золотых зеркалах и с такими же золотыми поручнями. Кроссовки утопают в мягком красном ковре. На табло сменяются цифры этажей. В ушах закладывает, пульс грохочет, все внутри сжимается.

7

Я стучу. Жду. Стучу снова.

Нет ответа.

Я прижимаюсь ухом к высокой деревянной двери.

– Хлоя?

Тишина.

Достаю телефон из заднего кармана, чтобы позвонить ей. Темный экран вспыхивает значком разряженной батареи.

– Черт.

Порывшись в сумке, я понимаю, что забыла зарядку. Просто прекрасно.

Чувствуя себя полной идиоткой, я без сил прислоняюсь к двери, опираясь тяжелыми коробками на ручку. Та вдруг поддается. Дверь распахивается.

Я падаю вперед, сильно ударившись бедром. Острая боль прошибает все тело. Шумно выдохнув, я сжимаю кулаки и с трудом поднимаюсь на ноги. Выплюнув пару ругательств, я кое-как беру себя в руки и смотрю на открывшийся вход в апартаменты.

Странно, что она оставила дверь незапертой. Хотя, может, и нет. В здании есть охрана. Здесь богачи живут свою роскошную жизнь. Она бы не стала беспокоиться, что к ней кто-то вломится. Как это только что сделала я.

Я поднимаю коробки и ставлю их у столика в прихожей.

– Хлоя?

Голос эхом разносится по квартире.

Я узнаю белые стены, диван, мерцающий городской пейзаж за окнами – все из ее видео. Однако видеть ее квартиру вживую странно. Будто попала на съемочную площадку. Кажется, что вот-вот появится камера и кто-нибудь скажет, что это обман. Попалась!

Квартира меньше, чем мне казалось. Деревянные полы, высокие окна, современное бездушное искусство. В вазе в виде бюста какого-то римского героя стоят розовые гвоздики. В фарфоровой миске для мелочей – ключи и кольцо с двумя синими камнями. Я беру его. Тяжелое – наверняка настоящее золото. Уже собираюсь положить обратно, но что-то меня останавливает. Может, холод металла на влажной ладони, а может, мысль о том, что эта вещица, вероятно, равнозначная по стоимости моей недельной зарплате, была для Хлои настолько незначительной, что она бросила ее рядом с ключами. ... Я не могу просто оставить его на месте.

Сжимая кольцо в кулаке, я прячу руку в карман худи и смотрю вглубь квартиры. В груди ноет зависть, не давая сделать шаг вперед. Я не могу не думать: а что, если бы первой родилась я? Если бы меня удочерили Ван Хейзены? Если бы это я стала известной? Если бы все это принадлежало мне? Красивая квартира, дорогие кольца, небрежно брошенные в миске...

– Я захожу.

Я прохожу внутрь и бросаю рюкзак на кухонную стойку.

– Это Джули, просто сообщаю, если ты здесь. Я беспокоилась после твоего звонка.

Проходя мимо выключателей, я зажигаю свет. Муха жужжит у самого уха.

В комнате давно не проветривали: воздух застоялся. Чувствуется слабый запах свечи Jo Malone справа от меня, но сквозь эту ароматическую пелену пробивается гниль. Пахнет пропавшими фруктами. Из кухни. Наверное, она забыла вынести мусор.

Я рыскаю по помещению, как ребенок, играющий в прятки. Заглядываю в спальню. В ванную. В гардероб – господи, под одежду выделена целая комната. Ряды дизайнерских сумок и обуви. Стекланный столик для аксессуаров. Браслеты Cartier, Rolex, блестящие кольца и ожерелья. Есть даже что-то вроде холодильника – оказывается, это огромный отпариватель для одежды.

Не найдя Хлою, я возвращаюсь в гостиную. На мраморной столешнице – открытый флакон лекарства – «Элавил, 25 мг». Полупустой. На упаковке не написано, для чего он, только инструкция – принимать по одной таблетке перед сном – и предупреждение: «Держать подальше от детей». Наверное, что-то от тревожности – сейчас все инфлюенсеры жалуются на приступы тревоги. Я закручиваю крышку, чтобы таблетки не пылились.

И продолжаю осмотр. В какой-то момент я понимаю, что уже даже не ищу ее – просто изучаю квартиру, как потенциальный покупатель. Проверяю напор воды. Пробую индукционную плиту. Открываю холодильник – роскошный двойной Miele с диспенсером воды и льда. Внутри что-то странное: коробки с китайской едой, ряд банок La Croix с маракуйей и полупустые бутылки алкоголя. Ни одного свежего фрукта или хотя бы готового салата. А как же образ правильной девочки, пропагандирующей ЗОЖ?

Скорее всего, я просто завидую. Она живет в Нью-Йорке и может сбегать вниз в любую закусочную, если что-то нужно. Наверное, это даже экологично – не держать свежие продукты, чтобы они не портились.

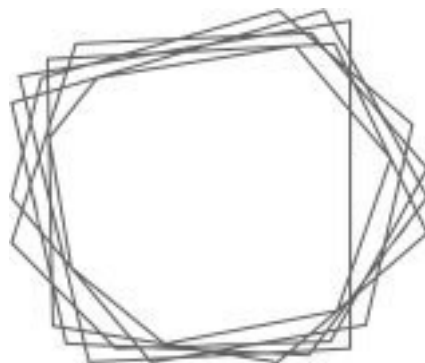
Сделав глоток шардоне – жидкость обжигает горло, – я закрываю холодильник и иду к полке с продуктами. Цепляюсь за что-то носком кроссовок. Сердце ухает вниз, я теряю равновесие. В последний момент хватаюсь за оконную раму. Внизу – оживленные улицы, машины размером с лего. Перед глазами все плывет. Я выпрямляюсь, облегченно выдыхая.

Оборачиваюсь, чтобы посмотреть, обо что споткнулась.

И тогда я вижу ее.

Хлою.

8

Она лежит на полу за кухонным островом.

Кожа у нее синюшная, в пятнах, обвисшая, будто плохо держится на костях. Засохшая полоска слюны и какой-то дряни тянется из-под фиолетовых потрескавшихся губ по щеке и пятнами ложится на темный деревянный пол. Лицо и шея исчерчены красным, словно она царапала себя, пытаясь вскрыть кожу обломанными бирюзовыми ногтями. Волосы сбились в колтун, черные пряди упали на лицо. Глаза налиты кровью – стеклянные, пустые.

Я застываю. Ничего не чувствую. Ни биения сердца. Ни воздуха. Время полностью остановилось. Я даже не уверена, дышу ли. Хочу отвести взгляд, но не могу.

Мимо с жужжанием пролетает муха. И садится ей на кончик носа.

Меня словно выдергивают из оцепенения. Я сгибаюсь пополам, из меня будто выбивают дух. Из кишечника, из желудка к горлу подступает тошнота – едкая, обжигающая, влажная. Я бросаюсь в ванную, склоняюсь над унитазом, меня рвет, выворачивает наизнанку, пока из меня не начинают выходить одна только пена и желудочный сок. У меня нет сил даже смыть за собой. Я падаю навзничь, затылком укладываясь на мягкий коврик под ванной. Пот покрывает каждую клеточку кожи, каждую конечность. Меня трясет – мне одновременно и жарко, и холодно. Кончики пальцев на руках и ногах колет сотнями маленьких игл. Я не могу совладать с дыханием. Комната мигает, расплывается. Зрение то пропадает, то возвращается, по краям собираются темные пятна. Подо мной твердый пол, но кажется, будто земля ходит ходуном, швыряя меня из стороны в сторону. В какой-то момент я прижимаюсь к жесткой керамической стенке ванны, свернувшись, как младенец в утробе.

Я молюсь, чтобы дверь приоткрылась, чтобы Хлоя – каким-то чудом живая – вошла с тарелкой сочных кусочков манго в руке. Чтобы скользнула ко мне, убрала с лица мокрые от пота волосы, обняла, накормила, уверила, что все это просто дурацкая шутка. Что все в порядке.

Но дверь остается закрытой, и на меня обрушивается жестокая реальность.

Хлоя мертва.

Я несколько раз втягиваю кислый воздух, подтягиваю ноги, сажусь и пытаюсь собраться с мыслями.

Полиция. Да. На этот раз я должна вызвать полицию. Больше нет никаких оправданий.

Бояться нельзя. Это нужно Хлое.

Скользкими пальцами я хватаю телефон, включаю его. Батарея села. Черт.

Где-то у Хлои должна быть зарядка. Я подползаю к туалетному столику, начинаю искать. Ничего. Ну конечно. Кто будет держать зарядку в ванной?

Остается спальня. Но для этого нужно пройти через кухню. Снова увидеть... ее.

Мысли кружатся, образы мертвого тела Хлои жгут глаза.

Так. Перестань думать. Дыши. Дыши. Дыши!

Когда меня немного отпускает, я хватаюсь за раковину, чтобы подняться. Мокрые ладони скользят по гладкой поверхности. Медленно, опираясь о стену, я оставляю влажные отпечатки пальцев на узорчатых обоях. Плещу себе в лицо холодной водой. Поднимаю взгляд – на меня смотрят налитые кровью глаза Хлои, ее сухие, растрескавшиеся губы застыли в безмолвном крике, будто предупреждая меня о чем-то.

Я вскрикиваю и шарахаюсь от раковины.

Это всего лишь мое отражение. Я не включила свет, и кожа в полумраке казалась темной, синеватой. Какая нелепость – испугаться собственного лица. Напряжение чуть отпускает, вот и крошечная передышка.

Ладно. Соберись.

Я открываю дверь ванной и проскальзываю в спальню, не отрывая взгляда от стены и держась спиной к кухне. Нахожу провод на тумбочке, включаю телефон и ставлю заряжаться.

Установка автоматических обновлений: 0 %. Примерное время: 1 час 15 минут.

Я моргаю. Еще раз моргаю.

– Да вы издеваетесь! – Я вцепляюсь в волосы. – Вы, к чертям собачьим, серьезно?

Я утыкаюсь лицом в ее мягкую хлопковую подушку и кричу. Кричу, кричу и кричу, пока не кончатся силы.

Хочется плакать, но я не могу оставить Хлою там гнить. Надо немедленно связаться с властями. Если я найду ее телефон, смогу вызвать помощь с него.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – бормочу я себе под нос, обыскивая спальню, гостиную, надеясь, что телефон где угодно, только не с ней.

Безрезультатно.

Я отыскиваю взглядом кухню, и на глаза наворачиваются слезы.

Собрав всю волю в кулак, я делаю шаг к ней. Дышу ртом, не желая чувствовать запах разложения, зная, что меня опять вывернет. Смотрю только на гладкий белый потолок, на дорогие золотые бра, пока не подхожу туда, где лежит Хлоя, скрытая за кухонным островом.

Я приседаю рядом.

– Прости.

Ощупываю ее тело, ноги, карманы, поднимаюсь ладонью по подтянутому животу. Вот. Твердый пластик чехла. Телефон под ней. Я пытаюсь вытолкнуть его, но тело слишком тяжелое, телефон не достать.

Нужно ее перевернуть.

– Господи, пожалуйста. Пусть это закончится.

Я убежденная атеистка, но сейчас я готова молиться кому угодно.

– Прости, Хлоя. Помощь уже в пути.

Не знаю, зачем я говорю с ней так, будто она может меня услышать.

Собрав все силы, я толкаю ее в сторону. Она переворачивается, глухо падая на живот. Я хватаю устройство и бегу в ванную.

Сорок процентов заряда. Экран блокировки заливают поток уведомлений. Я со стоном смахиваю их, пытаюсь вспомнить, как сделать экстренный вызов, и вдруг замечаю, что маленький замок сверху экрана уже открыт.

Мое лицо разблокировало телефон Хлои.

Может, Бог все-таки меня слышит.

Я провожу по экрану пальцем вверх, оставляя влажный след, и набираю «911».

Мне отвечают сразу:

– Служба 911, что у вас случилось?

– Моя сестра... она... кажется, она мертва.

– Мертва?

– Да. Нет. Мне не кажется. Она точно мертва. Уже день или два. Может, больше. Черт. Я не знаю. – Сердце колотится где-то в горле. – Просто, пожалуйста, пришлите кого-нибудь.

Она спрашивает адрес, и я называю его.

– Вы знаете причину смерти, мэм?

– Я-я не знаю. Я вошла в квартиру и нашла ее на полу.

Голос срывается. Из груди поднимаются рыдания.

– Я вас слышу. Я уже отправляю к вам бригаду. Вы можете отойти от тела? Выйти на свежий воздух?

– Д-да. Хорошо.

Я закрываю глаза и, пошатываясь, выхожу из ванной, опираясь на стены. Оказавшись за пределами квартиры, я сажусь на мягкий ковер в коридоре, у самой двери.

– Я снаружи.

– Спасательные службы скоро будут у вас. Держитесь. С вами все будет в порядке, если я прерву звонок, пока вы ждете? Или хотите остаться со мной на линии?

А что она будет делать? Ворковать надо мной, пока не приедет полиция? У нее, наверное, и без меня хватает работы.

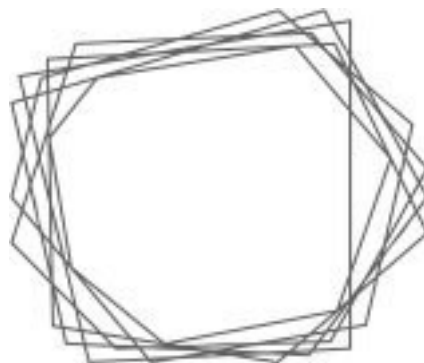
Я качаю головой, хотя она этого не видит.

– Все нормально. Можете отключаться.

– Хорошо. Если у нас возникнут вопросы, мы перезвоним вам на этот номер. Пожалуйста, будьте осторожны.

Связь обрывается.

9

Я не собиралась копаться в ее телефоне. Честно.

Просто так получилось. Как естественный рефлекс. Мне даже неловко признавать, какая ужасная у меня зависимость от соцсетей. Мне тяжело существовать без экрана и мелькающих в ленте постов. Я не могу просто сидеть в тишине – мне нужен поток видео, чтобы заглушить лишние мысли. Социальные сети – величайший пожиратель времени, но в то же время это невыносимо притягательный способ сбежать от реальности.

Стоит только оторвать телефон от уха – яркое белое приложение звонков еще режет глаза, – как я перехожу на главный экран Хлои. Поток уведомлений не прекращается. Каждую секунду всплывает новый баннер. «Такой-то поставил лайк под твоим постом в Инстаграм». «Новые комментарии в ТикТок». «Кто-то отметил тебя на фото». Как Хлоя вообще выдерживает этот поток информации? У меня начинает болеть голова от переизбытка разного рода стимулов. Хотя, возможно, это потому, что я слишком привыкла к тишине. Когда я просыпаюсь, единственное, что меня беспокоит, – это будильник.

Я машинально открываю «ТикТок». Просто чтобы собраться с мыслями, отвлечься от образа Хлои. После пережитого, наверное, я могу рассчитывать на заслуженный отдых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.